

УДК 821.112.2

**ОБРАЗ БЕЖЕНЦЕВ В НЕМЕЦКОЙ ЛИТЕРАТУРЕ XVIII И XX СТОЛЕТИЙ
(НА ПРИМЕРЕ ТВОРЧЕСТВА И.В. ГЁТЕ И Б. БРЕХТА)****Л.И. СЕМЧЁНОК***(Полоцкий государственный университет)*

Проведен сопоставительный анализ двух произведений немецкой литературы различных эпох (конца XVIII и середины XX столетия), объединенных общей тематикой – вынужденной миграцией главных героев. Устанавливаются многочисленные отличия в трактовке образа беженца в повествовательном цикле И.В. Гёте «Разговоры немецких беженцев» и диалогах Б. Брехта «Разговоры беженцев». Делается вывод об условном характере изгнания персонажей рамочного повествования гётевского произведения и удаленности их образов от реальных проблем, связанных с вынужденным переселением. Выделяется основной круг вопросов, волнующих брехтовских изгнанников: правовой статус беженца, проблемы трудоустройства, анализ политических событий в стране и мире. Ощущение бездомности главных героев Брехта – следствие утраты ими точек ориентировки в базовой культурно-психологической оппозиции «свой-чужой».

Введение. Архетипическое противопоставление «своего» и «чужого» – одна из базовых культурно-психологических оппозиций, определяющих формирование этнического самосознания и специфику человеческого мировосприятия в целом. В переломные моменты истории, обусловленные столкновением различных культур, проблема национальной самоидентификации приобретает особую актуальность. С одной стороны, вспыхивающие межнациональные конфликты способствуют укреплению в сознании воюющих сторон естественного образа «чужого» – врага. С другой стороны, непосредственным следствием вооруженных столкновений становится резкое увеличение потока вынужденных мигрантов, для которых конфронтация «свой-чужой» обостряется в процессе адаптации к жизни коренного населения. Трудности интеграции вынужденных переселенцев связаны, прежде всего, с тем, что устоявшиеся и принимаемые ранее индивидом культурные ценности, язык, нормы и правила поведения утрачивают в новом этническом сообществе свою значимость и незыблемость, а порой и вовсе отвергаются. Каждый из них по своему переживает в изгнании «кризис идентичности», «потерю точек ориентировки» и охватывающее его ощущение «бездомности» [1, с. 6–7].

В связи с вооруженным конфликтом, разгоревшимся на юго-востоке Украины, проблема вынужденной миграции приобретает в белорусском обществе все большую актуальность. По словам начальника департамента по гражданству и миграции МВД Алексея Бегуна, за 2014 год «органами внутренних дел зафиксировано около 50 тыс. граждан Украины, прибывших в Беларусь» [2]. Перемена места жительства влечет за собой необходимость адаптации вынужденных переселенцев к новым экономическим, социальным и этнокультурным условиям жизни. Насколько успешно будет протекать этот процесс, во многом зависит от сложившегося в сознании принимающей и принимаемой стороны образа мигранта, ведь любое изменение внешних обстоятельств жизни усиливает поляриность составляющих этнической оппозиции «своего-чужого».

Основная часть. В художественной литературе всплеск интереса к проблемам беженцев находится в прямой зависимости от происходящих в мире социально-политических изменений. Так, вторжение революционной французской армии генерала Кюстина на немецкую территорию становится отправной точкой развития повествования в «Разговорах немецких беженцев» И.В. Гёте, написанных в 1795 году. Спустя полтора столетия из-под пера немецкого драматурга Бертольта Брехта выйдут еще одни «Разговоры беженцев» (1940–1941). Правда, написаны они будут в Финляндии, а историческим фоном повествования станет экспансия фашистского режима в Европе.

«Переселенцами» (нем. «Ausgewanderte» [3, с. 125]) именует Гёте героев своего повествовательного цикла, с первых строк знакомя читателей с обстоятельствами вынужденного переезда «некоего знатного семейства» [4, с. 121]. Баронесса и члены ее семьи покинули свои владения в пограничной области и переправились на другой берег Рейна, «дабы спастись от притеснений, грозивших всем именитым людям, коим вменялось в преступление, что они благодарно чтут память предков и пользуются благами, каковые каждый заботливый отец, хочет предоставить своим детям и внукам» [4, с. 121]. Современный читатель едва ли назовет беженцами или эмигрантами компанию аристократов, сменивших свое место проживания с одного имения, находящегося на левом берегу Рейна на такое же имение, расположенное на правом берегу. Вынужденный переезд, хоть и именуется у Гёте «бегством», но все же больше напоминает небольшое приключение, ведь «хорошее настроение было не редкостью у наших беженцев, ибо неожиданные происшествия, непривычная обстановка давали их стесненным душам немало пищи для

шутки и смеха» [4, с. 121]. И далее автор замечает, «печальное путешествие часто протекало веселее, чем в былые времена иные намеренно увеселительные беседы» [4, с. 122]. Настоящих беженцев мы встретим у Гёте позже, в его эпической поэме «Герман и Доротея» (1796), именно в ней, описывая бедственное положение людей, сорванных с насиженных мест и увлекаемых потоком истории, Гёте употребит понятие «беженец» (нем. «Flüchtling»): «Als er die *Flüchtlinge* (здесь и далее курсив наш – Л.С.) sah in traurigen Haufen vorbeiziehn» [5, с. 485] – «Видел, как мимо проходят печальной толпою *скитальцы*» [6, с. 565]». А пока, в «Разговорах» интерес писателя сосредоточен не столько на внешних обстоятельствах жизни переселенцев, сколько на исследовании потенциальных возможностей проявления демонического начала в человеке в той или иной ситуации и сдерживающих его факторах.

Переселенцы у Гёте не стоят перед необходимостью приспособления к новым условиям жизни, ведь они остаются в своем Отечестве. Конфликт рамочного повествования вытекает из политических разногласий членов дружеского кружка, достаточно однородного по своей социальной природе и национальной принадлежности. Кузен Карл, молодой человек приятной наружности и пылкого нрава, хоть и был немецким дворянином и в будущем должен был унаследовать часть земель, находящихся теперь под властью французов, не мог «питать вражду к нации, которая сулила миру столько благ» [4, с. 123] и которая связывалась в его воображении с идеалами свободы, равенства и братства. Он неохотно покидает свои левобережные владения и, неумеренно восхваляет все, доброе и злое, что было у французов. Да и сам тайный советник фон С., немало пострадавший от нашествия французов, критикует не столько французскую нацию, сколько распространяемые ею взгляды и убеждения. Предметом ссоры между Карлом и тайным советником, закончившейся в конечном итоге скандальным отъездом последнего, стало не французское нашествие, а оценка деятельности майнцских клубистов. «Тому, кто велик и могущественен, ничто не кажется столь смешным, как притязания малого и ничтожного» [4, с. 127], – говорит тайный советник, указывая на величие французов и ничтожность попыток майнцских якобинцев с ними сравняться. Конфронтация «свой-чужой» здесь носит, скорее, социально-политический, нежели этнический характер, чужими и непонятными для спорящих становятся взгляды и поступки своих же соотечественников.

Ссора между Карлом и тайным советником приводит к внезапному отъезду последнего, но вместе с тем дает новый толчок в развитии повествовательной линии, заставляя героев рамочного повествования искать пути обретения былого мира и взаимопонимания. Основная причина несчастий, выводящих беженцев из состояния равновесия – неумение управлять собственным нравом, проявляющим себя «слепо и неуправляемо» [4, с. 130]. Поучительные и одушевляющие беседы – вот то лекарство, которое предлагает старик священник для лучшего усвоения основных норм человеческого общежития. Вставные рассказы, составляющие костяк всего произведения, выстроены у Гёте по принципу увеличения их воспитательного потенциала и завершаются причудливой сказкой, насыщенной сложной символикой и философскими идеями и воспевающей идею единения людей.

Вера в возможность примирения оппозиционных по своей природе категорий «свой» и «чужой» заложена в «Разговорах немецких беженцев» уже на уровне композиции. Общение героев рамочного повествования в дальнейшем протекает не в форме двухстороннего диалога, как это будет у Брехта, а в форме беседы нескольких персонажей, каждый из которых имеет свое, несколько отличное мнение по обсуждаемому вопросу. Позиции главных героев не противопоставляются друг другу, а дополняются и уточняются в ходе непринужденного многочасового общения, что делает возможным дальнейшее мирное сосуществование всех членов семейства.

В кардинально противоположной ситуации оказываются главные действующие лица «Разговоров беженцев» Б. Брехта. В дневниковой записи за 7 сентября 1940 года Брехт запишет: «Тогдашнее время больше способствовало Гёте, нежели Шиллеру. Ведь он был занят проблемами высвобождения личности, а не политическими свободами, освобождением не масс, а индивидуума. Поэтому с точки зрения идеологического соответствия духу времени Шиллер кажется нам более интересным» [7, с. 82]¹. Современному же читателю более актуальными в исследовании вопроса вынужденной эмиграции представляются беженцы Б. Брехта, чем эстетствующие аристократы И.В. Гёте. Русскоязычная идентичность названий произведений И.В. Гёте и Б. Брехта не отражает разницы в положении главных действующих лиц обоих «Разговоров». Если у Гёте речь идет о «Беседах немецких переселенцев» («Unterhaltungen deutscher Ausgewanderten»), то правовой статус героев Брехта определен уже в заглавии через существительное «Flüchtlingsgespräche» («Разговоры беженцев») [8, с. 380]. Положение эмигранта, постулируемое в качестве смыслообразующего целого всего повествования, включает в себя не только вероятность возникновения проблем адаптации прибывших к новой социальной среде, но также подразумевает наличие у них определенной системы мировоззренческих установок, ставших причиной их вынужденного переселения. Бегство из страны – шаг политический, обусловленный желанием человека дистанцироваться от

¹ Перевод наш – Л.С.

устанавливающегося порядка, выразить тем самым свое несогласие с ним. Обоснование своего неприятия новой системы лежит в основе диалогов рабочего Калле и физика Циффеля. Оба они эмигранты, волею судеб встретившиеся в привокзальном ресторане города Хельсинки.

Приступая к работе над «Разговорами беженцев» Б. Брехт записал в своем дневнике 1 октября 1940 года: «читая «Жака-фаталиста» Дидро, вспомнил о своих набросках для Циффеля». При этом в ушах у него постоянно звучали «интонации Пунтилле» [9, с. 320]. В духе Пунтилле случайные знакомые Калле и Циффель иронически рассуждают о своем положении беженцев, когда «паспорт становится самым благородным, что есть в человеке» [10, с. 7]. Ведь «изготовить паспорт не так просто, как сделать человека». Исколесивший в роли беженца пол-Европы, а затем эмигрировавший в Америку через СССР, Б. Брехт на собственном опыте прочувствовал все тяготы эмигрантского быта, когда беженец, вынужденный постоянно заботиться о том, куда бы пристроить ему свои «девяносто килограммов мяса и костей» [10, с. 13], превращался в «простое приспособление для хранения паспорта» [10, с. 7].

Ни в одной европейской стране, приютившей на время героев повествования они не чувствовали себя полноценными людьми. «Швейцария – это страна, которая славится тем, что в ней можно быть свободным» – заявляет Циффель и тут же делает оговорку «Но для этого надо быть туристом» [10, с. 49]. Любая попытка высказаться в Швейцарии против фашизма, оканчивалась укоризненным замечанием: «Подобные мысли надо держать при себе, а то придут немцы – и прощай наша свобода» [10, с. 50]. Извечное свободолобие швейцарцев Циффель объясняет не иначе как неблагоприятным географическим положением. Окруженная со всех сторон крупными державами, она вынуждена быть всегда начеку, заявляя о своем нейтралитете. Не менее подозрительным выглядит для Циффеля и знаменитый французский патриотизм, предаваться которому нужно «как пороку, а не как добродетели» [10, с. 55], и непереволимый датский юмор, и такая гуманная Швеция, с ее «весьма развитой любовью к человеку, а также любовью к своему делу в высоком смысле этого слова» [10, с. 64]. Куда бы ни забросила судьба беженцев, в каждой стране им приходилось демонстрировать глубочайшие знания философии Гегеля, ибо «лучшая школа диалектики – эмиграция». Перемены сделали их беженцами, и ничего кроме перемен их не интересует. Ведь о наступлении самых крупных событий, они, как истинные ученики Гегеля «заклучают по незначительным признакам» [10, с. 62].

Своими мыслями герои Брехта делятся друг с другом, «время от времени опасливо оглядываясь по сторонам» [10, с. 7]. Они либо сидят в ресторане столичного вокзала, любившегося им своей неуютностью» [10, с. 70], либо стоят на привокзальной площади и перед Министерством иностранных дел, где им нужно было продлить вид на жительство. Образ вокзала сквозной нитью проходит через все произведение, еще раз акцентируя мотив вечного странничества главных героев. Циффель не проявляет никакого интереса к удобству найденной им комнаты, ведь она для него лишь место, рабочий кабинет, где он собирается писать свои мемуары. Да и так ли важна квартира для человека, вынужденного в поисках заработка «обрыскать всю страну», пытаясь найти применения своим знаниям и «то здесь, то там получая по шапке» [10, с. 70]. Ненужными людьми оказываются в равной степени и коренастый рабочий Калле, в руки которого ввелись крапинки металла, человек, прошедший через ужас концентрационных лагерей, и интеллигент Циффель, ученый-физик из так называемой «хорошей семьи», высокий, дородный (а ведь «дородность производит хорошее впечатление», – замечает Калле), с холеными белыми руками. Символическим представляется финальный диалог героев. Энергичный Калле, неудовлетворенный своими мытарствами в роли коммивояжера, рекламирующего канцелярские товары, решат открыть фирму по борьбе с клопами. После некоторых размышлений он предлагает Циффелю, отчаянно отрывающему от хлебной карточки очередной хлебный талон, стать его компаньоном. Образ клопа, насекомого-паразита, питающегося кровью человека либо животного, особенно часто возникает в литературе XX века, неся в себе отрицательную аксиологическую модальность (достаточно вспомнить пьесу В. Маяковского «Клоп»). Очищение города от паразитов, являющихся неотъемлемыми спутниками грязи и нищеты – первый шаг к очищению мира от коричневой чумы.

Сомнения Циффеля в успехе предприятия являются следствием сдержанности его политических взглядов. Мирный тон, в котором протекает общение между брехтовскими беженцами, не снимает различий во взглядах персонажей на причины распространения в стране фашистской диктатуры. Циффель и Калле – «представители определенных социальных групп» [11, с. 156]. Бывший рабочий металлургического завода Калле открыто заявляет о своей приверженности идеям марксизма, и становится, таким образом, фактически рупором авторских идей. Политическая позиция физика Циффеля очерчена не столь отчетливо. Свой отъезд из Германии он объясняет страхом перед «великой эпохой», провозглашенной Какевотамм [10, с. 33]. Для Циффеля благополучие заключается в том, чтобы никто не ограничивал его научных интересов, чтобы никто не мешал ему заниматься, чем он хочет, например, атомной физикой. Но именно этого, возможности (заниматься тем, чем он умеет) Циффель-эмигрант и оказывается лишен.

Из упомянутых ранее дневниковых записей Брехта становится ясно, что толчком к возобновлению его работы над набросками о Циффеле стало обращение писателя к роману Д. Дидро «Жак-фаталист».

По всей вероятности, именно этот философский роман подсказал автору и форму построения всего произведения. «Жак-фаталист и его Хозяин» Д. Дидро жанрово атрибутируется как роман-диалог, особая разновидность философского романа. Композиционная организация повествования в форме диалога предоставляла Брехту возможность изображения в тексте нескольких точек зрения, направленных друг на друга и на мир. Polemicность жизненных позиций персонажей подчеркнута в однотипных ремарках, завершающих каждый диалог: «Вскоре они попрощались и разошлись – каждый в свою сторону». Подобной ремарки лишены лишь две заключительные сцены, но и финальный «неопределенный жест» Циффеля, который «трудно было разоблачить, как попытку чокнуться» [10, с. 90], весьма красноречиво свидетельствует о скрытых разногласиях во взглядах вынужденных собратьев по несчастью.

Окончательно сформированной мировоззренческой позиции Калле Брехт противопоставляет внутренние сомнения интеллектуала Циффеля. Ученый-физик то с энтузиазмом садится за написание мемуаров и с нетерпением в течение нескольких дней поджидает в вокзальном ресторане по сути незнакомого человека, чтобы ознакомить его с ними. При этом Циффель не без гордости утверждает, что «представляет собой исключение и, следовательно, не является любым средним человеком» [10, с. 17]. Потом вдруг он с грустью признается, что не видит возможности продолжить свои мемуары, так как не обладает достаточным жизненным опытом. Что обусловило эти метания, Циффель осознал и сам: то была «невозможность разобраться в причинах, которые вызвали катастрофу» в стране [10, с. 32], где он родился и вырос. Отсюда стремление героя через мемуары ретроспективно взглянуть не столько на свою жизнь, сколько на свою эпоху, разобраться, где и когда была допущена роковая ошибка. Победу фашизма в Германии проще всего было бы объяснить его опорой на чисто немецкие добродетели. Именно с иронического обсуждения типично немецких качеств, превратившихся в своего рода клише, и начинается знакомство двух беженцев. Но вскоре выясняется, что заложенные у немцев в крови любовь к порядку и «беспримерный по стойкости рефлекс послушания» [10, с. 87] хоть и сыграли на руку фашизму, но едва ли могут объяснить причины его распространения в других странах Западной Европы, так любящих заявлять о своих свободах. И если для марксиста Калле ответ на вопрос о природе фашизма очевиден: «во всем виноват капитализм» [10, с. 47], то Циффель продолжает искать на него ответ вплоть до последних страниц повествования. Поиском ответа на этот вопрос были заняты в то время многие из тех, кто покинул Германию после 1933 года. Среди ищущих оказался и Томас Манн, сделавший 28 января 1934 года пометку: «После обеда читал «Разговоры немецких беженцев» [11, с. 173]. Больше упоминаемый гётевских беженцев у Т. Манна нигде нет. Вероятно, получить ответ на вопрос у Гёте Т. Манну не удалось, а встретиться с Брехтом не получилось.

Заключение. Войны и вооруженные столкновения сопровождают всю историю человечества, вызывая к жизни все новые и новые волны вынужденных мигрантов, поставленных перед необходимостью адаптации в новое этническое сообщество. Насколько успешно будет проходить эта интеграция, зависит от сформированного в общественном сознании положительного либо отрицательного образа вынужденного переселенца. Проведенный нами сопоставительный анализ двух произведений немецкой литературы, объединенных общей тематикой, дает основание говорить о наличии многочисленных отличий в трактовке образа беженца в произведении конца XVIII и середины XX веков. Если для героев гётевского повествовательного цикла изгнание носит несколько условный характер, то брехтовские переселенцы, исколесив пол-Европы, сталкиваются с реальными проблемами, волнующими беженцев по сей день. Сюда относится круг вопросов, связанных с правовым и социальным статусом беженцев, с проблемами легального трудоустройства. Ощущение бездомности главных героев Брехта – следствие утраты ими точек ориентировки в базовой культурно-психологической оппозиции «свой-чужой»: они не принимают как «свое» события, происходящие на Родине, но и сделать «своим» социокультурное пространство страны, в которую они бежали, тоже не могут.

ЛИТЕРАТУРА

1. Поршнева, А.С. Мир эмиграции в немецком эмигрантском романе 1930-1970-х годов (Э.М. Ремарк, Л. Фейхтвангер, К. Манн) / А.С. Поршнева ; науч. ред. О.Н. Турышева. – Екатеринбург : УМЦ УПИ, 2014. – 306 с.
2. Стригалёв, А. От линии миграции до линии нравов // Управление информации и общественных связей МВД Республики Беларусь [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.mvd.gov.by/print.aspx?guid=240793>. – Дата доступа: 24.06.2015.
3. Goethe, J.W. Unterhaltungen deutscher Ausgewanderten / J.W. Goethe // Goethes Werke. Hamburger Ausgabe : in 14 Bnd. – München, 1998. – Bd. 6 : Romane und Novellen I. – S. 125–241.
4. Гёте, И.В. Разговоры немецких беженцев / И.В. Гёте // Собрание сочинений : в 10 т. – М. : Худож. лит., 1975–1980. – Т. 6 : Романы и повести : пер. с нем. С. Шлапоберской ; под общ. ред. А. Аникста и Н. Вильмонта ; коммент. Н. Вильмонт. – С. 121–220.

5. Goethe, J.W. Hermann und Dorothea / J.W. Goethe // Goethes Werke. Hamburger Ausgabe : in 14 Bnd. – München, 1998. – Bd. 2 : Gedichte und Epen II – S. 437–514.
6. Гёте, И.В. Герман и Доротея / И.В. Гёте // Собрание сочинений : в 10 т. – М. : Худож. лит., 1975–1980. – Т. 5: Драммы в стихах. Эпические поэмы : пер. с нем. ; под общ. ред. А. Аникста и Н. Вильмонта ; коммент. А. Аникста. – С. 532–585.
7. Brecht, B. Reisen im Exil 1933-1949 / B. Brecht ; Textzusammenstellung: Wolfgang Jeske. – Frankfurt am Main : Suhrkamp, 1996. – 270 S.
8. Brecht, B. Flüchtlingsgespräche / B. Brecht // Bertolt Brecht : Werke in fünf Bänden. – Berlin ; Weimar : Aufbau-Verlag, 1981. – Bd.4 : Geschichten. – 3. Auflage. – 502 S.
9. Копелев, Л. Брехт / Л. Копелев. – М. : Молодая гвардия, 1966. – 432 с.
10. Брехт, Б. Разговоры беженцев / Б. Брехт // Б. Брехт: Театр. Пьесы. Статьи. Высказывания : в 5 т. – М. : Искусство, 1963–1965. – Т. 4. – С. 5–90.
11. Beyer, W.R. Goethe im Themenfeld von Flüchtlingsgesprächen / W.R. Beyer // Goethe-Jahrbuch. – 1981 – Band 98. – S. 156–178.

Поступила 11.05.2015

THE IMAGE OF REFUGEES IN THE GERMAN LITERATURE OF XVIII AND XX CENTURIES (BASED ON LITERARY WORKS BY J.W. GOETHE AND B. BRECHT)

L. SIAMCHONAK

Two literary works belonging to different epochs (end of XVIIIth and middle of XXth centuries) are compared in the article. Nevertheless, they have a common topic, namely, forced migration of the protagonists. The article ascertains multiple differences of the interpretation of a refugee's image in the "Talks of German Refugees", – a narrative cycle by J.W. Goethe, and "Refugees' talks" by B. Brecht. The exile of the characters of the framework narrative was of inside-the-country kind, and their representation was outlying the realm of actual problems inherent to forced migration. The major scope of issues causing inconvenience among the refugee characters by Brecht is singled out, among them: the refugee's legal status, challenge of unemployment, country and world political events analysis. The feeling of homelessness of Brecht's protagonists is due to the loss of reference points inside the basic psychocultural opposition of "friend and foe".